

ПРОГРАММА
ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ

П. К. ГРЕЧКО

*КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
МОДЕЛИ ИСТОРИИ*

ПРОГРАММА

•ОБНОВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ•

П. К. ГРЕЧКО

*КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
МОДЕЛИ ИСТОРИИ*

ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

Издательская корпорация

ЛОГОС

Москва .1995

ББК87
Г81

Рецензенты:

Главный научный сотрудник Института философии РАН доктор философских наук профессор *В.И.Толстых*

Заведующая лабораторией методологии социального познания Института философии РАН доктор философских наук профессор *В.Г.Федотова*

Данное издание представляет собой авторскую работу, вошедшую в число победителей в открытом конкурсе "Гуманитарное образование в высшей школе", который проводится Государственным Комитетом РФ по высшему образованию и Международным фондом "Культурная инициатива".

Конкурс является составной частью программы "Обновление гуманитарного образования в России".

Спонсор программы — известный американский предприниматель и общественный деятель Джордж Сорос.

Стратегический комитет программы:

Владимир Кинелев

Владимир Шадриков

Валерий Меськов

Теодор Шанин

Дэн Дэвидсон

Виктор Галичин

ISBN-5-88439-008-2

© Гречко П.Г., 1995

1

ВВЕДЕНИЕ: ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В отличие от обыденных профессиональные, или научные, рассуждения об истории непременно предполагают ее предметную определенность. Иными словами, прежде чем "по-научному" говорить об истории, надо так или иначе ответить для себя на вопрос, что она собой представляет, каковы ее содержательные границы.

Впрочем в отдельных случаях можно довольствоваться и самым общим, слабо или вовсе не структурированным образом истории. Интуитивное, но субъективно достаточно убедительное видение исторической реальности тоже может быть продуктивным. Все зависит от масштабов, целей и задач ее конкретного осмысления. Чаще, однако, желательно (а для философии с ее рефлексивностью, заметим, и обязательно) иметь в этом плане хорошо обозримое поле исследования, ясную перспективу того, что и как познается.

Итак, что такое история, каковы ее научно-дисциплинарные рамки?

История и феномен прошлого Обычно историю определяют как науку о прошлом — минувшей действительности, предшествующем развитии, о том, что когда-то произошло или случилось с человеком, народом, обществом в целом. Тем самым история сводится к простому анализу событий, процессов, состояний, так или иначе канувших в Лету, т.е. все дальше и дальше уносимых от нас водами реки забвения.

Такое понимание истории является не точным и не полным, более того — внутренне противоречивым. Ретроспективность сама по себе — не все и уж определенно не главное в истории. На самом деле история не дает людям забыть "свою былую жизнь", она не просто работает с прошлым, а противостоит ему, борется с ним. И побеждает, извлекая из глубин забвения все новые и новые факты из жизни наших предков, ушедших поколений, исчезнувших культур и цивилизаций. Так, еще совсем недавно мы ничего не знали о "человеке умелом" (*homo habilis*). Только в 1987 г. нашли следы его пребывания в Северной Танзании; и сразу проблема антропосоциогенеза стала глубже, "шагнула" в прошлое почти на 1,5 млн лет. Вообще о происхождении человека, о заре человечества в целом мы знаем теперь больше, чем, скажем, историки античности, которые по времени, хронологически были к этим истокам много ближе. История как бы воскрешает былое, миновавшее, когда-то уже состоявшееся, заново открывая и реконструируя его для настоящего, современности. Научно-историческое исследование дает вторую жизнь тому, что однажды уже прошло по жизни, завершило свой земной путь, отцвело и умерло. История — торжество жизни над смертью, настоящего над прошлым. Как верно заметил Р.Дж.Коллингвуд, благодаря истории, историческому познанию прошлое не умирает, а продолжает жить в настоящем, служить современности. "Отец истории" Геродот когда-то так начинал свой знаменитый труд [10, с.11): "Геродот из Галикар-

*Подробнее о значениях термина истории см. [27, с.25 — 26].

насса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности...".

Примечательно также, что в Древней Греции покровительницей или музой истории была Клио — богиня, которая прославляет. Свиток и грифельная палочка в ее руках — символ и залог того, что ничто не должно бесследно исчезнуть, раствориться, сгинуть в непроглядной дали истории.

История есть коллективная память людей, память о прошлом. Но память о прошлом — это уже не прошлое в собственном смысле слова. Это — прошлое, восстановленное и восстанавливаемое по нормам современности, с ориентацией на ценности и идеалы жизни людей в настоящем. Память всегда современна, она — составной смысловой элемент реального, непосредственно на наших глазах разворачивающегося процесса.

Нет, речь не идет о замене или подмене прошлого настоящим, о произвольной модернизации, волюнтаристском осовременивании событий давно минувших дней. Речь о другом — о том, что прошлое существует для нас через настоящее, благодаря настоящему, в прозрениях настоящего. По-своему выразил эту мысль К.Ясперс [43, с.274]: "История непосредственно касается нас... А все то, что касается нас, тем самым составляет проблему настоящего для человека". Всякая история является современной историей. Но не стоит путать "современную историю" с "историей современности", хотя связь между ними очевидна. Уместно сослаться здесь также на Х.Агнес [44, с.216]: "История (История с большой буквы) не есть прошлое, это — прошлое и будущее в настоящем".

Сказанное резонно дополнить следующими соображениями. Говорить и писать можно только о том, что как-то существует. О несуществующем ничего сказать нельзя. А вот существует ли прошлое? И если существует, то как? На эти экзистенциальные вопросы пока нет удовлетворительного ответа. Ясно одно — в прямом и полном смысле слова прошлое не существует. Оно потому и прошлое, что его уже нет. Прошлое свое уже отбыло, отсутствовало. Может, действительно, отсутствовав, оно куда-то отбыло? В Лету, например, как думали древние, либо в особый, четвертый или какой там теперь по счету мир, либо составило онтологически вполне реальную (погрузайтесь на здоровье) глубину настоящего.

Данные предположения пока — не более чем фантазия, воображаемая реальность. В наше время только фантасты свободно путешествуют в прошлое, по прошлому. Для них, как, скажем, для Г.Уэллса, вся проблема существования прошлого может сводиться к чисто технической задаче — как сконструировать машину времени.

Непрерывная связь времен, традиционно ассоциируемая с историей, актуальной, непосредственной, живой является лишь в настоящем. Настоящее в свою очередь обращается в прошлое и, видимо, с той же скоростью, но уже с другого конца прорывается в будущее, делая его опять же настоящим. Настоящим сопрягаются, стягиваются воедино и прошлое, и будущее. В черед исторических событий, ситуаций, процессов настоящее выходит, растет из прошлого, но для нас

последнее, подчеркнем еще раз, в полной мере открывается лишь в настоящем, из современности*.

Прошлого нет, оно в буквальном смысле прошло, но как-то и что-то от него все-таки осталось, сохранилось, иначе бы мы о нем ничего не знали и не говорили. Прошлое сохраняется или пребывает в форме памятников материальной и духовной культуры, в виде следов и остатков некогда полноводно бурлившей жизни: различных сооружений, орудий труда, утвари, оружия, хроник, документов, писем, любых других текстов. Перечисление можно продолжать. Очевидно, что своим реальным, значимым для нас существованием следы прошлого обязаны настоящему. В современности, как в материнском лоне, вершится и работа по их исторической реконструкции,

Разумеется, изложенным выше феномен прошлого не исчерпывается, он богаче и многообразнее. В прошлом как предметной определенности науки истории есть своя эвристика, свои не до конца проматриваемые перспективы, очень интересные с точки зрения исследователя. Чтобы убедиться в этом, укажем на некоторые из них. Например: погружаясь, "уходя в основание" той или иной реальности, прошлое становится ее сущностью, может быть, не полной, не всей, но первым, исходным ее слоем или порядком наверняка. Настораживающе многозначна и следующая перспектива: не исключено, что даже будущее может стать давно забытым прошлым, например, в результате какой-либо катастрофы, экологической или космической. Недавно, как известно, Землю чуть было не задела своим "хвостом" комета Галлея. На этот раз все кончилось благополучно, но гарантии от подобных встреч у нас нет. Случись такое, и придется человечеству опять начинать все с нуля, если вообще сохранятся условия для произрастания "семян человеческих". Во всяком случае "воспоминание о будущем" — не только кинематографическая метафора.

Природа исторической реальности Предмет истории как науки, или историю как реальность, нередко отождествляют со всеми проявлениями, движениями и устремлениями человеческой жизнедеятельности, со всем событийным потоком человеческого существования, включая его повседневность. Но это слишком широкое толкование истории. А любое "слишком" искажает, ведет к результату, противоположному по сравнению с задуманным. И здесь очевидное стремление к конкретности и, главное, полноте на деле оборачивается игнорированием эволюционно-структурных уровней сущего, размыванием масштабов, собственной размерности истории.

"Современность, настоящее — отнюдь не одномоментное или мгновенное какое-то образование, не просто точка на оси времени. По сути своей это — определенный, иногда довольно значительный, интервал, границы которого определяются механизмом социальной деятельности" [27, с.285]. В современность, настоящее входит все, что продолжает оказывать непосредственное влияние на события сегодняшнего дня и ближайшего будущего. Современными, к примеру, являются международные договоры, заключенные достаточно давно (сто и более лет тому назад), если только они не утратили своей силы до сих пор и продолжают учитываться при принятии политических и иных масштабных решений.

Историю вряд ли интересуют чисто физиологические отправления человеческого организма, его биологические структуры, процессы, функции. Что такое человеческое дыхание, как люди усваивают пищу, каковы причины и механизмы старения человеческого организма — все это не история, но область исторического: вне истории ничего не бывает.

Дифференциации подлежит и фактический состав, фактичность общественной жизни людей. Возьмем те же мелочи жизни. Их много, они отнимают у человека немало времени и сил. Никакая, даже самая возвышенная натура не может ими полностью пренебречь, Мелочи отравляют или, наоборот, скрашивают нашу жизнь. Значит, они — история? Нет, они в историческом пространстве, они историчны, но они — не история. История залегает глубже, она существеннее, она — сама сущность происходящего, непрерывно текущего. (Действительно, какое отношение к истории имеет такая, скажем, мелочь, как моя привычка писать перьевой, а не шариковой ручкой. Шариковая ручка меня раздражает, я с ней просто не могу работать. Ручка с пером дорога и значима для меня, без нее я испытываю неудобство, нечто вроде психологического дискомфорта. Для современной же истории значимость этого обстоятельства, уверен, равна нулю, нулевая.)

Обратимся к существенному в происходящем, к сущности случаемого с человеком — что это за история? Ясно, что дело здесь не просто в большей или меньшей степени важности или значимости отдельных явлений, событий и состояний, хотя этим тоже пренебрегать нельзя. Не найти, не различить нам историю в их отдельности, изолированности друг от друга. Она "прячется" не в самих по себе событиях и состояниях общественной жизни, а в их взаимодействии, взаимосвязи, взаимоотношении, в сцепленности взаимоотношений. Не стоит, разумеется, абсолютизировать данное противопоставление, разрушая тем самым единство (а оно есть) самого взаимодействия. Противительное "а" введено здесь нами для заострения проблемы, не более того. Суть же проблемы не в противопоставлении (события — их связь) как таковом, а в акценте на взаимоотношении, на том, что история, историческая реальность реляционна, а не субстанциальна, даже если эта субстанциальность и дискретно-событийная. Правильно и так: субстанциальность истории реляционна.

События нельзя резко противопоставлять их взаимосвязи, во-первых, потому что именно в ней реализуется их природа, во-вторых, любое событие также можно рассматривать как взаимодействие, взаимоотношение. Оно именно событие, соотнесенное существование по меньшей мере двух сторон (фактов, агентов). Наконец, в-третьих, само взаимодействие, в особенности же его результат — тоже событие, новое событие в общественной жизни людей.

Все исторически значимые явления имеют реляционный, взаимоотноительный характер. Вот, к примеру, феномен Наполеона. В его основе лежит взаимосвязь каких-то безусловно не рядовых способностей, устремлений и амбиций одного из французских генералов и особых, специфических обстоятельств, а в дальнейшем и следствий французской буржуазной революции конца XVIII в. Без подобного резонанса, т.е. по-своему удачной встречи личности с условиями и возможностями времени, исторической ситуации, Наполеон так бы и

остался никому особо не известным генералом Бонапартом. Мало ли было подающих надежды генералов в истории.

Надо сказать, взаимосвязь личности и обстоятельств редко бывает равновесной. Обычно в ней доминирует одна сторона: личностная — в случае великих людей истории, "обстоятельная" — в случае выскочек, необязательных, так или иначе случайных людей, актеров фарса, а не трагедии истории. "Человек без свойств" тоже может быть баловнем исторической судьбы. В истории нашей страны и прежде всего ближайшей истории можно найти немало подтверждений этому.

В исторической взаимосвязи общественных явлений важно различать уровни и масштабы. Их много, они разные и к тому же коррелятивные. Личность, социальный институт, регион, страна, человеческое общество в целом — все это определенные "меры", или уровни, исторической реальности. Всемирная история, видимо, "выполняется" на самом глубоком, структурно предельном ее уровне. Но углубляясь до предела вообще-то можно при других масштабах. Скажем, поиски предельных оснований личности с необходимостью выводят нас на масштабы социальной среды, общества. И наоборот, нельзя понять общество, не обращаясь к личности, не выявляя и не раскрывая природу человека.

В данном плане показательна философско-историческая концепция Платона, который уподоблял общество, или государство, человеческой душе, ее структуре: три части души (разумная, яростная, возделывающая) — три части-сословия государства (философы-правители, воины или стражи, ремесленники и земледельцы). В то же время все добродетели человеческой души, каждой ее части формируются и развиваются, по Платону, лишь в обществе-государстве и благодаря ему. Так что названные уровни и масштабы носят во многом условный характер и легко могут переходить друг в друга. Их взаимоотношение достаточно очевидно и в других случаях, оно определяется, смеем думать, самой природой исторической реальности. Историческое взаимодействие поистине универсально: ему подчинены как горизонталь, так и вертикали общественной жизни людей.

Взаимодействие, взаимосвязь, взаимоотношение — это, конечно, довольно абстрактный образ истории, самый общий ее профиль. Рассмотрим теперь вопрос, чем и как его дальше конкретизировать. Начнем с того, что разные школы и направления философско-исторической мысли отвечают на него по-разному, вплоть до представления истории бесхребетной, бесформенной массой людских начинаний, дел, поступков, нагромождением случайностей, естественно непредсказуемых, слепых, нелепых, хаосом индивидуальных воль и свобод и т.д.

Вдохновляемые общим идеалом научности обществоведы так или иначе ищут и находят исторические законы общественной жизни людей. Логика их рассуждений довольно четкая: главная задача науки — открытие законов; история — тоже наука; значит, открытие законов истории — ее прямая обязанность, непосредственная, статусная задача.

История и исторические законы Одна из самых известных заявок на открытие законов истории как законов развития общества представлена марксизмом.

Поэтому рассмотрим подробнее эту заявку. С собственным открытием законов общественного развития марксизм связывает превращение социологии из утопии (до Маркса) в науку (Маркс и марксизм). Это, понятно, самообольщение. О конституировании в строгую науку социология объявляла неоднократно, хотя до этого ей все еще далеко. Тем не менее стремление удовлетворить самым жестким требованиям научности характерно не только для обществоведов марксистской ориентации. Оно изначально и глубоко характерно для социологии как таковой. (Кстати, с него начинал и основатель социологии О.Конт.)

Марксисты чувствуют и понимают разницу между природой и социальной реальностью, хотя и не являются сторонниками известного противопоставления "наук о природе" "наукам о духе". Они полагают, что законы истории возможны и проявляются только в деятельности людей, через действия, поступки, поведение отдельных личностей, индивидов.

"Взаимодействующее многообразие" истории представлено в марксизме как естественно-исторический процесс. Термин "естественно" как раз и означает "в соответствии с законом", "подчиненный законам", "законосообразный", а также: "органичный", "последовательный", "не перепрыгивающий через необходимые, внутренне увязанные друг с другом этапы развития". Термином "исторический" обозначен целесообразно-деятельный, человечески-преобразовательный характер существования и развития общества. История в этом плане трактуется Марксом как "деятельность преследующего свои цели человека".

"Естественная" сторона развития общества уточняется далее как статистические законы истории. Природа последних обычно раскрывается через противопоставление статистических и динамических законов. Динамические законы, как известно, проявляются во всей своей полноте в каждом конкретном случае, подпадающем под их "юрисдикцию". Например, пропустив через любой металлический проводник электрический ток, мы можем наблюдать полный закон Ома, т.е. практически идеальную зависимость между напряжением и сопротивлением, которая называется силой тока. В отличие от динамического статистический закон имеет дело с множеством случайных, хаотически разбросанных явлений. И он тем определеннее, чем больше самих этих явлений и чем длительнее время их сосуществования.

Согласно марксизму, статистические законы истории пробивают себе дорогу через массу препятствий, отклонений, противодействий и т.д. Здесь работает так называемый параллелограмм сил, т.е. взаимоналожение, резонансное притяжение, коррелятивное изменение различных, индивидуально выделенных воль, движений и устремлений людей. Суммарный результат, или эффект, статистической интеграции всех этих явлений, действий и процессов принимает форму объективной тенденции, которая, по утверждению марксистов, не имеет ничего общего с однонаправленностью или прямоли-

нейностью действий всех индивидуальных субъектов истории. Более того, такая одномерность законом-тенденцией истории даже запрещается, иначе это был бы уже динамический закон. Исключения, консервативные поползновения, параллельные движения и т.п. — всё это, разумеется, есть и непременно будет в деятельном контексте объективной тенденции, или закономерности, истории. Здесь ведь главное — совпадение в большинстве случаев, вообще "большие числа", порыв и устремление масс. Такова в общих чертах марксистская концепция объективных законов истории.

Надежду на успешное законосообразное объяснение общества и его сущностного развития, т.е. истории, некоторые современные авторы связывают с социально-историческими импликациями синергетики — науки, раскрывающей эволюционные закономерности сложных самоорганизующихся систем, механизмы самопроизвольного или спонтанного возникновения порядка из хаоса*. При такой ориентации общество уподобляется открытой нелинейной системе или среде. В соответствии с законами синергетики в хаотичной социальной среде возникают локальные очаги организации: сплоченные политические группы, хорошо налаженное производство и т.д. — структуры в виде "блуждающих пятен" общественного процесса. Со временем эти структуры обретают свои "поля притяжения", что превращает их в своеобразные цели для всей системы. В состоянии бифуркации, или острого неравновесного состояния, социальная система становится неустойчивой относительно альтернативных путей преобразования: даже действия отдельного человека, а тем более пассионарной личности могут существенно влиять на ее общее развитие, начавшееся с бифуркации. Выбор при бифуркации часто делает господин Случай. Как открытая нелинейная система общество эволюционирует "ветвящимся" образом, нередко блуждая в поле своих собственных возможностей. Нестабильность, неравновесность, неустойчивость, разнородность — важные элементы его детерминации.

Использование идей синергетики в общественном сознании — дело новое, но, как показывают первые результаты, перспективное. Синергетическое мировоззрение развивает социальное воображение, что само по себе уже немало. Не станем, однако, углубляться в социальную оценку синергетики, науки все-таки физической; это предмет отдельного и далеко не простого исследования. Нам же здесь важно обозначить еще одну, а именно, синергетическую стратегию в анализе общества как системы, чье развитие подчиняется определенным законам.

Концепция историцизма	Призма законов общественного развития, надо заметить, не единственная в философии истории. В наше время многие, если не большинство, смотрят на это развитие как раз через иную призму — ту, в которой нет места законам, закономерностям, объективной необходимости и т.п. Некоторые авторы не только не признают, они активно отрицают истори-
----------------------------------	--

* Достаточно полное представление об этом новом научном направлении можно составить по работам [16,26].

ческие законы, будучи убеждены, что вера в них деструктивна и в конечном счете ответственна за многие беды и страдания людей. В этом плане очень характерно посвящение в известной книге К.Поппера "Нищета историцизма": "Памяти бесчисленных мужчин и женщин всех убеждений, наций и рас, павших жертвами фашистской и коммунистической веры в Неумолимые Законы Исторической Неизбежности".

Основные аргументы противников исторических законов таковы*. В истории нет единообразия; она, напротив, сплошное многообразие, состоящее из уникальных, неповторимых событий и процессов, которые не обобщаются в законы (ритмы, тенденции, модели). Об отсутствии единообразия, а значит, воспроизводства совершенно одинаковых условий говорит и невозможность крупномасштабных социальных экспериментов (во всяком случае их эффективного проведения). В этом плане уникальность истории с очевидностью проступает в том, что на последующие эксперименты в общественной жизни существенно влияют предыдущие. Сам проведенный эксперимент выступает в качестве условия повторного эксперимента. Вследствие этого теряется чистота эксперимента. Ну а "нечистые" эксперименты — и не эксперименты вовсе.

Несомненно, об уникальности и неповторимости исторических событий свидетельствует и их органическое или целостное сплетение в отдельные, не сводимые друг к другу периоды, или стадии. На каждой — своя специфика, свои собственные зависимости и взаимосвязи. Одно дело, скажем, ранний (дикий) капитализм и совсем другое — капитализм с социально, а теперь уже и экологически ориентированной экономикой.

Далее. Реалии истории необычайно сложны, причем не количественно, не множественностью своей, а качественно. Здесь не только больше исходных элементов, или факторов, они еще и очень разные, разнородные. В истории над "физикой" надстраивается умственная деятельность людей, их психология, нравственно-духовная жизнь. Эту разнокачественность, или разномодусность, бытия связать узами закона никому пока не удавалось. И дело, видимо, не в недостатке талантов, не в отсутствии надлежащего метода, а в принципиальной невозможности сделать подобное.

Законам истории противостоит также ее новизна. В истории она совершенно особая — действительно принципиальная, сущностная. Новизна в природе есть лишь новизна "порядка или соединения" отнюдь не новых элементов и факторов. Новизна же в истории не сводится к таким перестановкам и соединениям. По-настоящему новыми являются или становятся сами элементы, вступающие в историческую связь. Новизна — это всегда выход за какие-то рамки, пределы, законы же — полагание их неперемennого существования. Новизна в истории к тому же неожиданна, иногда даже парадоксальна. Действующие в истории силы могут сцепляться, накладываться и поворачиваться друг к другу самым невероятным образом. Кто, например, мог предугадать, что перестройка в нашем обществе пойдет таким

* Здесь мы опираемся на Поппера, на его критику историцизма как веры в исторические законы и соответственно в предсказуемость исторических событий.

путем, будет осуществляться именно в таких формах? А ведь сценариев развития событий в СССР (теперь уже бывшем) было немало, особенно на Западе. И ни одного попадания. Жизнь всегда посрамляет самые тонкие расчеты и планы. Она сложнее и изворотливее любого интеллекта.

Сказанное подводит к еще одному аргументу, свидетельствующему не в пользу законов общественного или исторического развития. Законы — адекватная основа для научных предсказаний. Справедливость этого положения однозначно подтверждается развитием естествознания, технических наук. С научными предсказаниями в общественности все обстоит по-другому: они невозможны. В общественной жизни мы сталкиваемся с тем, что Поппер назвал "Эдиповым эффектом" — влиянием предсказания на предсказанное событие. Само предсказание обретает здесь статус вполне законного элемента исторической реальности, активно влияющего на ее последующее развитие. Социальное предсказание может стать причиной действий, которые его же и опровергают. Поппер приводит такой пример: допустим, было предсказано и стало широко известно, что цена акций в ближайшие три дня будет неуклонно расти, а затем резко упадет. Тогда все, кто связан с рынком, именно на третий день и стали бы продавать свои акции, вызывая падение цены в этот день и опровергая тем самым предсказание [25, с.21]. Приведем еще один пример — уже на подтверждение, а не на опровержение. Предсказание инфляции в форме инфляционных ожиданий существенно влияет на масштабы и темпы реальных инфляционных процессов. Ожидание инфляции ориентирует соответствующим образом поведение людей (все спешно делают покупки), а через него уже стимулирует, увеличивает саму инфляцию. Таким образом, субъективное психологическое состояние индивидов участвует в индуцировании исторически объективного явления.

Нереальность исторических предсказаний, т.е. их неустраняемая искаженность самим фактом предсказания, заставляет думать о нереальности и исторических законов.

Наконец, оппоненты законов истории ссылаются на затрудненность, если не невозможность, их поиска и открытия. Речь идет об аффектах, пристрастиях и интересах, которые серьезно деформируют идеал научности, установку на объективность или интересубъективность в социально-гуманитарном познании. Как в жизни, так и в науке о ней кипят страсти, часто тенденциозные, темные, иногда прямо обскурантистские. Отсюда — совершенно противоположные интерпретации одних и тех же исторических событий, отсюда и "открытие" очень разных законов, ими якобы управляющих. Ясно, что при такой ангажированности, социально-психологической захваченности вряд ли можно рассчитывать на открытие законов, которые, по определению, "добру и злу внимают равнодушно".

Приведенные нами аргументы далеко не безупречны. Наступательную критику ими концепции исторических законов саму в свою очередь можно критиковать по многим, практически по всем пунктам.

Рассмотрим более внимательно уникальность. Строго говоря, она является неотъемлемой стороной любой единичности или отдельности. Нет и не может быть абсолютно тождественных вещей. Уникаль-

ны не только события истории, но и обыкновенные капли воды. Не будь уникальности, неповторимости хоть в чем-то, своеобразности, господствуй одна, притом полная, совершенная идентичность, не было бы и множественности как таковой. Существование же последней самоочевидно. С другой стороны, уникальность не может быть и абсолютной, иначе весь мир пребывал бы в "рассеянном" состоянии, все элементы сущего страдали бы отторгающей несовместимостью. Множественность никогда бы не складывалась в нечто большее, тем более в организованные целостности. В таких условиях не была бы возможна сама жизнь — из абсолютно уникальных элементов эволюции ее бы не собрать. Следовательно, уникальность не перечеркивает, не исключает и какую-то общность и наоборот.

Или, например, сложность. Кто знает, что более сложно: история или природа, особенно если принять гипотезу о бесконечности мира, а значит, о неокончателности, незаконченности, незавершенности нашего углубления в любой его элемент. К тому же не исключено, что движение в глубину природы имеет качественные порядки. Важно как раз научиться отсекал сползание в дурную бесконечность. Она дурна не потому, что нереальна, она дурна потому, что несущественна, незначима для конкретного, индивидуально выделенного объекта.

Критической оценки заслуживает и новизна, якобы настоящая, подлинная в истории и не совсем, не до конца таковая в природе, физическом мире. Разве, скажем, человек как биологический тип не есть существенно новый продукт поистине творческой эволюции жизни на Земле? А в исторической новизне тоже есть аспекты или моменты простого порядка и соединения. Обычно, правда, они представлены материалом, в который воплощается или от которого отталкивается эта новизна. Нельзя, например, заподозрить в неоригинальности, отсутствии новизны образ кентавра, но и в нем есть рутинные, легко узнаваемые "части" лошади и человека.

Теперь о предсказании. Как и все в истории, оно нагружено субъективностью. Более того, сам факт предсказания как бы актуализирует субъективность, настраивая ее на положительное, отрицательное или нейтральное (равнодушное) отношение к тому, что предсказывается. Данное обстоятельство резко меняет всю ситуацию — она становится непредсказуемой. Строго говоря, непредсказуемым является в этой ситуации лишь субъективный фактор (сознание, психология, воля). Всякий раз приходится гадать, как он себя поведет, на что и каким образом будет реагировать. Эволюцию объективных обстоятельств предсказать не так уж и сложно. Но все дело в том, что в истории не бывает "чисто" объективных обстоятельств. Здесь всегда взаимодействие объективных обстоятельств и субъективного фактора. Одно органически продолжается в другом. Содержание объективных обстоятельств истории в полной мере раскрывается только через их отношение к субъективному фактору, в процессе взаимодействия с сознательно-волевыми началами общественного развития.

И все же история имеет собственную логику развития. Наиболее повелительно она заявляет о себе в кризисные или смутные времена, когда ситуация, как говорится, выходит из-под контроля, когда общество в своем развитии заходит в тупик. Тогда уже никто: ни от-

дельные личности, ни та или иная группа, ни даже мощная, казалось бы, партия — ничего сделать не может. Всех неотвратимо влечет к какой-то объективной развязке, иногда кровавой, как в случаях революции, гражданской войны, межэтнического конфликта. Лишенный ориентиров, смятенный, явно измотанный субъективный фактор вырождается в слепо действующую силу, становится без преувеличения одним из объективных обстоятельств. В целом историческая ситуация оказывается как бы однородно объективной, а значит, и научно предсказуемой (не в нюансах и подробностях, конечно, а по существу, в глубинном своем токе). В действие вступает сама Жизнь, исправляя недочеты и просчеты, вызванные людским неразумием, своеволием человека. Такие ситуации являются своеобразными узлами истории. Теоретически их вполне можно развязывать предсказанием. Предсказание возможно и относительно того, что их, эти узлы, завязывает. Правда ясность тут уже меньшая.

Наконец, интересы, вкусы, пристрастия... Они неотступно преследуют не только социально-гуманитарные, но и естественные науки. И естествознание не изолировано от социально-политических и иных бурь своей эпохи. И оно развивается через конкуренцию и борьбу теорий, школ, направлений. И в нем болезненно пересекаются различные, даже противоположные интересы, кипят страсти, сталкиваются человеческие судьбы. Как справедливо заметил теперь уже опальный классик, нет и не может быть поиска истины без человеческих страстей и эмоций. Другое дело, что в отличие от общественных естественные науки располагают более надежными средствами (логико-математический инструментарий, эксперимент, другие формы верификации) для нейтрализации деструктивного влияния человеческой субъективности на процесс познания. У обществознания задача более сложная: найти пути и средства познавательного выражения тех страстей и эмоций, которые буквально пронизывают общественную жизнь — их непосредственный предмет исследования. Не отбросить, не нейтрализовать, а включить, учесть, выразить и не в виде схемы, объектной редукции, а как на "самом деле", в их естественной полноте. Но это — только одна сторона проблемы. Другая — как быть со страстями и эмоциями уже не на стороне предмета, объекта, а самого субъекта. Их можно, видимо, нейтрализовать, пытаться нейтрализовать, так же как и в естествознании. Но перспективнее, как представляется, иная стратегия — научиться их учитывать, например, в виде "человеческого коэффициента" Ф.Знанецкого. Стоит подумать и над принципом *similia similibus* ("подобное подобным") древних: постигать эмоции эмоциями, страсти страстями, интересы интересами и т.д. посредством сопереживания, вчувствования, эмпатии.

Изложенные замечания, полагаем, не лишают состоятельности, серьезности и актуальности рассмотренные нами аргументы. Они только релятивизируют, смягчают их прямое действие, заставляя в то же время думать о необходимости дальнейших исследований, о поиске новых, дополнительных аргументов, проясняющих и углубляющих проблематику исторических законов.

**Понятие закона
и его историческое
преломление**

Для целей такого исследования или поиска, на наш взгляд, надо уточнить само понятие закона в его приложении к исторической реальности, истории.

Закон представляет собой связь, притом существенную связь. В отношении сущности, существенной связи нет особой, а вернее, непреодолимой разницы между природой, обществом и человеком. Во всем: в каждом предмете, явлении, процессе, событии — есть внутренняя, основополагающая сторона, какая-то, хотя и очень разная глубина, короче, своя собственная сущность. Значит, не в связях, существенных самих по себе, кроется специфика законов истории.

Закон есть также необходимость, необходимая связь. Но и необходимость бывает разная и в разных сферах. Например, в нравственно-духовной сфере: "на том стою и не могу иначе"; "этого не может быть, потому что этого не может быть никогда". Заряд необходимости есть также в долге, каким он видится большинству людей. И вообще нравственность, дух — вещи наименее необходимые в обществе. Без них оно бы не могло существовать. Видимо, не всякую необходимую связь можно считать закономерной. Закономерности в мире "меньше" необходимости.

Далее, закон являет собой повторяющуюся связь. И опять перед нами нечто более широкое, нежели сам закон, его предметно-объемное бытие. Повторяются и несущественные связи, те, скажем, которые лежат на поверхности, есть в предрассудках, в так называемом отклоняющемся поведении, во многих других "бытийно не укорененных" явлениях. Стало быть, повторение, повторяемость не всегда знак закона, закономерности.

Стабильность, стабильная связь — еще одна отличительная черта закона. Как и предыдущие, она относительна, ее критериальности не свойственны жесткость и однозначность. Стабильность, к примеру, на какое-то время характерна даже для моды — явления очень капризного, по природе своей преходящего. Кроме того, мы знаем, что в нашей стране нет ничего более устойчивого и стабильного, чем все временное. И застой, и перестройка — все это у нас с душком стабильности.

В научно-нормативном наборе отличительных характеристик закона непременно фигурирует и всеобщность. Разрешающая сила этой характеристики, пожалуй, самая грубая, действительно очень общая, даже по-своему тавтологичная. И неудивительно: ведь в ней выражается прозрачайшее в общем-то обстоятельство — закон (любой закон) имеет свою предметную область, он распространяется на вещи, на которые, по определению, не может не распространяться, т.е. что он просто имеет место быть, притом там и так, где и как это заранее предполагалось. К тому же всеобщая (общая) связь может быть и не закономерной, достаточно поверхностной, легковесной. Солнце, песок, спелые бананы — все это золотистого цвета, одного, единого цвета, но вряд ли закономерного, законосообразного (во всяком случае по отношению друг к другу). Не от солнца зависит, в какой цвет окрашиваются вещи, на которые падают его лучи: в любом луче — полная цветовая гамма, одни цвета поглощаются, другие — отражаются, и именно этим непосредственно определяется цвет.

Наш критический разбор основных, как принято считать, параметров закона наверняка поставит перед вдумчивым читателем вопрос: а для чего он собственно предпринят? Может, для того чтобы усомниться в эффективности исследовательской ориентации на закон как таковой? Или чтобы "растянуть" закон настолько, чтобы затем с успехом наложить на такую "закононепослушную" реальность, как история? Ни то и ни другое. Хотя безусловно преследовалась промежуточная, или вспомогательная, цель — показать, что закон действителен лишь в своей полноте, что использовать его надо только в целостном наборе, что по отдельным параметрам он легко уязвим, не защищен от критики. Определив меру реализации, можно продолжать исследование и соответственно изложение. Однако эта цель реализована нами неполно. Обрисованные выше характеристики-параметры закона далеко не исчерпывают проблему. Строго говоря, они образуют лишь некий "защитный пояс" по отношению к сердцевине закона — его объективности. Эту объективность, объективную составляющую закона мы и пытались выделить, обособить и подчеркнуть, критикуя другие его стороны или аспекты.

В конечном счете на объективности стоит или замыкается весь закон, все его основные характеристики. Просто существенная связь может быть и незакономерной, но объективная существенная связь незакономерной быть не может. То же можно сказать и о других отличительных признаках закона. Именно объективность интегрирует их в закон, в его органическую структуру.

В объективности же и вся суть проблемы исторических законов. Она здесь оказывается самой "упрямой" по меньшей мере в двух отношениях. По определению, объективности надлежит быть, во-первых, вне сознания, а во-вторых, независимо от него. С первым, т.е. отношением "вне сознания", справиться несложно. Оно теряет свою упрямую однозначность под давлением самоочевидности: просто не может быть объективности вне сознания применительно к взаимодействующему многообразию истории, в центре которого — человек. История вне сознания не более чем нонсенс, *contradictio in subjecto*. Историческая реальность — это все-таки человеческая реальность, та или иная артикуляция человека, а значит, и атрибутивно присущего ему сознания. Сознание, психология в целом — неотъемлемая составная часть, даже не часть — какая-то проникающая полевая формация или сила истории.

Вне сознания (впрочем, кто может определить точные границы его функционального бытия?) находятся объективные (субстратные) структуры истории. Да и их мы называем историческими исключительно потому, что имеем в виду определенный контекст, охватывающее их целое, а в нем — непосредственно дающего им жизнь субъекта. Вне этой нерасторжимой связи с субъектом, его сознанием и волей, его смысловой означенностью они являются не более чем возможностью, внутренней предрасположенностью или диспозиционностью истории, ее полнокровного, субъект-объектного бытия. В случае прекращения всякой связи с наделенным сознанием субъектом история перестает быть историей, умирает и рано или поздно возвращается туда, откуда был взят исходный строительный материал для нее, — в природу, эту естественную кладовую средств и условий человеческой жизнедеятельности. Поросшие лесом или затяну-

тые песками цивилизации — увы, это не фантазия, не кадры из приключенческих фильмов, а жестокая, суровая реальность, грозное предупреждение всем людям. Судьба цивилизаций ацтеков и майя — убедительное тому подтверждение.

Много сложнее обстоит дело с отношением "независимо от сознания". Для проблемного заострения вопрос здесь можно поставить так: есть ли, может ли быть в сознании нечто такое, что существует как бы автономно от него, более того, что навязывает, диктует ему свою волю, что подчиняет его потребностям своего собственного развития? Неустраимая пронизанность или насыщенность истории сознанием человека подсказывает именно такую постановку вопроса. В данном случае внутренне-углубленное "в" ("в сознании") предпочтительнее внешне-отчуждающего "от" ("от сознания").

Обращение к логике части и целого (основы и обоснованного) в нашей проблеме ничего не меняет: законы — несомненная часть той реальности, того целого, в рамках которого они действуют, направление развития которому они задают. Следуя этой логике, отрывать их от сознания нельзя. Природе части не дано быть иной, нежели природа целого, в нашем случае — истории, которая, как уже отмечалось, внутренне сопряжена с сознанием. Можно, далее, заменить часть и целое на основу и обоснованное. Но и в этом случае проблема не будет решена. Развитие общества есть развитие целостной системы, социального организма. Основа этого развития не может быть инородной тому, что развивается. Органические системы рано или поздно отторгают инородные вещи. Как видим, проблема дает покружить вокруг себя, но внутрь себя, где лежит тайна отношения субъективного сознания к объективной реальности закона, не пускает.

Может, что-то прояснит контекстуальное уточнение самого понятия "сознание"? В самом деле, сознание составляет лишь часть того, что называется человеческой психикой. Именно психику, т.е. сознание в единстве с его инфраструктурой (чувствами, эмоциями, волей и т.п.), мы имеем в виду, когда говорим об имманентности, или внутренней присущности, сознания общественному развитию, истории. В пределах человеческой психики самостоятельно (и в этом смысле независимо) действует такой фактор, как бессознательное. Его выбросы в сферу сознательного часто бывают очень мощными и как бы повелительными, обязательными к исполнению. То есть ситуация независимости от сознания вроде бы налицо. И тем не менее не будем закрывать глаза на очевидное: сознание (в узком смысле — как предметная ясность, осмысленное видение, самоотчетно актуальное Я в психике человека) все же в состоянии обуздать и контролировать психическую жизнь человека в целом.

Теперь подойдем к проблеме с иной стороны — гносеологической. Самое общее ее выражение сводится к формуле "сознание субъективно по форме и объективно по содержанию". Мы, похоже, настолько привыкли к этой формуле, что не видим ее проблемности, не допускаем сомнения в ее истинности. А между тем она далеко не так проста и доступна, как кажется многим. Стоит задуматься, поглубже вникнуть, и простота, самоочевидность улетучатся, уступят место сомнению, колебанию, критике. Перед нами именно тот случай, когда совершенная ясность является лишь следствием слабой изученности, поверхностного осмысления.

Будем рассуждать последовательно: содержание сознания — это сознание или не-сознание? Очевидно, что сознание. А как трактовать объективность содержания сознания? Видимо, не как действительность, не как объективную реальность саму по себе. Все, что не идеально по статусу бытия, в сознание не может быть включено. Срабатывает несовместимость. Кажется, эта мысль достаточно очевидна и не требует особых разъяснений. Объективность — далеко не сколок с объекта, который отображается в сознании. Будучи свойством, содержательная объективность сознания выявляется лишь в отношении к экстрапознавательной реальности, т.е. миру объектов.

Но в своей завершенности и сущности она является все же внутренней определенностью сознания, вернее, его содержания. Следовательно, содержание (сознания) вместе с его объективностью находятся в кругу сознания, их статус бытия теоретико-познавательный, а значит, идеальный. Сознание, разумеется, не выдумывает свое содержание (хотя без выдумки, фантазии, "отлета от действительности" здесь тоже не обходится); оно по большей части навязывается ему извне. Но только нужно добавить: в форме и "по правилам игры" самого сознания. В данной связи вспоминается Маркс [22, т.42, с.165]: "Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — *знание*". Как некий, скорее всего структурный аспект "знания" реальности объективность является достоянием или свойством активно осваивающего мир сознания. Поэтому формула "независимо от сознания" применима к ней лишь с очень большими оговорками (речь, разумеется, идет об объективности в контексте истории, общественной жизни).

В гносеологическом плане у рассматриваемой формулы есть еще одно интересное измерение — это законы логики. Имеются в виду конкретно основные законы человеческого мышления: тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания. Независимы ли они от сознания человека? Вроде бы и да: соблюдение законов логики — необходимое условие адекватности и продуктивности всей нашей умственной деятельности. Но одновременно нельзя не видеть и того, что в самые творческие моменты, в точках прорыва к новому, ранее недоступному названные законы как бы уходят в тень, их обязательность не кажется уж столь суровой и однозначной. Кроме того, часто мы эти законы нарушаем, преступаем. И, надо сказать, без особых катастроф, необратимо трагических последствий и т.п. Это в общем-то понятно: до своей практической реализации мышление является возможной или виртуальной реальностью, в которой не возбраняется все переставлять, произвольно расчленять, причудливо собирать и т.д.

Кроме того, универсальность названных законов имеет своей матрицей западную культурную среду. Иным культурам и цивилизациям присущи в чем-то иные логики. В примитивных обществах, где сознание пропитано мифологией, мыслили и мыслят противоречиями, отступая от тождества, без достаточного основания. Не надо, думается, объяснять, что общество оценивается как традиционное или примитивное, если за точку отсчета брать европейские логические стан-

дарты мышления. Вне их, в рамках самого традиционного общества обрисованной логической проблемы вообще не существует. Каждое общество по-своему самодостаточно.

Примеры "примитивного" мышления можно почерпнуть, например, у Гомера. В "Одиссее" мы узнаем, что в подземном царстве мрачного Аида Одиссей пытается и никак не может *обнять бесплотную тень* своей умершей матери, что логично. Но оказывается, что эта же бесплотная *тень пьет* жертвенную *кровь* вполне *реальных* ("во плоти") *животных*, барана и овцы, что действительно непонятно и никак не вяжется с первым утверждением. И еще: в том же жилище Аида Одиссей встречает душу, "призрак воздушный" величайшего из героев — Геракла. И буквально здесь же утверждается, что "сам он с богами на светлом Олимпе". Для подкрепления нашей мысли можно сослаться также на своеобразие индийской логики, известной под названием "ньяя".

Как видим, и аргумент "к логическим законам мышления" не убеждает с определенностью, что в сознании есть нечто, от него, сознания, совершенно не зависимое. Для тех, кого данный аргумент в философии истории смущает, поясняем: все событийно-историческое многообразие нашей жизни рассматривается в данном случае как содержание сознания истории. Отсюда и прямая аналогия между когнитивным и историческим содержанием сознания. В данном плане наша позиция сближается с ильенковской концепцией идеального как формы деятельности общественного человека [15, с.219 — 227].

Таким образом, мы не находим объективности закономерного характера ни в сознании самом по себе, ни в истории, поскольку она всегда история человека, а значит, и его сознания, чувствования, воли. Вот если исключить из истории сознание, психику вообще, тогда действительно откроется простор для законов, их определяющего и направляющего действия. Но история без сознания — это уже не история, а физика, флора и фауна человеческого бытия. В период общественных катаклизмов, когда существенно подорвана культурная надстройка, когда сознание, разум, логика вытеснены рефлексам нужды и физического выживания, начинают действовать законы, но не истории, а природы, биологического существования. Эпидемии давно забытых болезней в странах с подорванными социальными структурами и ослабленными культурными функциями — реальное тому подтверждение. Но стоит обществу миновать этот трагический период, обустроить и наладить нормальную человеческую жизнь, как вновь начинается (а фактически продолжается) прерванная было история — процесс, в котором усмирена, не бушует больше стихия физических законов, где активно действуют ценности, нормы и идеалы человеческого общежития. В данной связи историю можно понимать как ценностную структурализацию многообразных и разнонаправленных действий людей.

Сознание стоит на пути закона еще и потому, что в полноте своего существования оно непременно индуцирует свободу. Свобода же есть способность начинать новый ряд событий, действий, новую цепочку бытия. Конечно, не произвольно, а в рамках тех возможностей и условий, которыми богата конкретная историческая ситуация. Хотя в то же время и произвольно, ибо выбор (а это главное в свободе) явля-

ется актом внутреннего самоопределения человека. Он восходит к тому, что Ф.Достоевский называл своим собственным, вольным и свободным хотением. А оно иногда идет даже "против течения", чтобы утвердить свою экзистенциальную автономию, заявить о своей уникальности, единственности и неповторимости. Свободу, как и сознание, нельзя выбросить, вычистить из истории, не перечеркнув, не убив се.

Итак, историю мы, кажется, спасли. Но не за счет ли исторического познания, оставленного теперь без всякой ориентации и опоры, в роли которых выступали прежде законы истории? Суть вопроса — не только в научной неопределенности, но в какой-то мере и ценности такого рода познания. Зачем и кому оно такое нужно? Разве что для бесплодных упражнений в плюрализме мнений.

Но есть и сомнения: ведь чтобы там ни говорили, а "сила вещей", "логика событий", какая-то неперерешаемость происходящего, некий "высший смысл" — всего этого из истории тоже не выбросишь. Да и не нужно этого делать. Неукладывающиеся вещи нужно не отбрасывать, а систематизировать, обобщать.

Паттерны истории В порядке такого обобщения мы предлагаем идею паттернов. "Паттерн" — русская калька с английского *pattern*, восходящего в свою очередь к латинскому *patronus*, переводимому обычно как форма, модель, узор, образец для подражания, как естественная или случайная конфигурация событий (например, распределение попаданий при стрельбе). В семантическом поле паттерна с определенностью различимы и такие элементы, или смысловые единицы, как повторение, устойчивое сочетание, стабильная коррелятивность, фиксируемое соотношение и т.п. Все эти значения "упакованы" так или иначе в понятие паттерна. Ядром его, тем, что обеспечивает единство названных значений, является, на наш взгляд, "естественная конфигурация", конфигурация, состоящая из фактических зависимостей, конфигурация или просто фигура, даже структура, проступающая сквозь пелену повседневности, жизненной рутины, феноменологической пестроты бытия.

Легко заметить, что у паттернов и законов много общего: устойчивость, повторяемость, стабильность, фиксируемость. Но у паттернов есть одно очень важное для нас преимущество — они не требуют объективной реальности. Иначе говоря, им не обязательно быть объективно реальными или необходимыми, хотя есть, разумеется, и такие паттерны. Естественной средой для паттернов является также сфера культуры, духа, субъективной реальности. В этом отношении паттерны не знают границ — они универсальны. Наиболее яркое выражение их универсальности — сопряжение объективного и субъективного, материального и духовного, естественного и искусственного. Что, однако, выступает в качестве основы такого сопряжения или единства? Очевидно, эта основа не может быть инструментально-познавательной. Ведь тогда бы от сознания требовалось невозможное — служить основанием и того, что лежит за его пределами, что им фактически лишь отражается или выражается.

Основа сопряжения субъективного и объективного в рамках и посредством паттерна онтологическая. Она являет собой фундаментальнейшее свойство мира — существовать, быть реальностью. И не важно какой — объективной или субъективной, материальной или духовной, а может быть, и какой-то еще. Суть дела в самом феномене реальности, в реальностной определенности всех без исключения компонентов и аспектов нашего жизненного мира, сущего как такового. Другими словами, речь идет об обращении реальности в общий знаменатель всего происходящего в природе, обществе, человеке (так называемый внутренний мир) и с человеком.

Не все в этом обращении одинаково просто и убедительно. Много неопределенности пока в вопросе о реальности сознания, духовного вообще. Эта реальность многим кажется чисто эпифеноменологической, дериватной, отраженной, вторичной. Никакой самостоятельности и в этом смысле реальностной субстанциальности — одна производность. Впрочем, отстаивается и противоположная точка зрения: дух, духовность намного самостоятельнее и реальнее, нежели материя, материальность. Не будем входить в подробности этого спора. Скажем только, что ясной и четкой онтологии духовного у нас все еще нет. Похоже, это дело будущего. Правда, многое в данном направлении уже сделано, особенно в феноменологической традиции.

Наша задача, однако, значительно упрощается, поскольку вопрос о конкретной природе реальности в ее рамках может и не ставиться — достаточно реальности как таковой. В самой же реальности сознания, духовного сомневаться не приходится, тем более в контексте истории, исторического бытия людей.

"Паттернализация" истории, ее взаимодействующего многообразия — процесс довольно сложный и со стороны объекта, или истории, как реальности, и со стороны субъекта, или исторического познания. Сложность здесь обусловлена прежде всего многоуровневостью исторической реальности, а также далеко не однозначным соотношением наук, изучающих эту реальность и ее многоуровневость. Начнем с последних.

**Предметное
разграничение
истории, социологии
и философии**

В настоящее время историей как реальностью непосредственно занимается три науки: история, социология и философия (философия истории). Согласимся с традиционной интерпретацией, что история имеет дело с индивидуальными событиями и явлениями общественной жизни, но с индивидуальными не значит с индивидуальностью (неповторимостью, уникальностью — и только) этих явлений и событий. Кстати, такую индивидуальность, если бы даже ее и удалось постигнуть, нельзя было бы выразить на языке, так как исключительно индивидуальных языков не бывает. Сам термин "индивидуальный язык" неустраимо противоречив. Делая невозможной главную свою функцию, функцию общения, коммуникации, исключительно индивидуальный язык убивает самого себя.

Индивидуальное событие не тождественно своей индивидуальности, в нем всегда присутствует и нечто общее, глубинно сущностное. Оно-то и спасает индивидуальное от сиюминутного исчезновения, от

жадного и ненасытного Хроноса. Причастность индивидуального общему, сущностному позволяет поставить вопрос о паттерне и в собственно историческом исследовании. Как показывает опыт исторического познания, не всегда этот паттерн сознательно выделяется, специально акцентируется, но реальный исследовательский процесс им непременно направляется, опирается на него так или иначе. Например, через убедительный исторический портрет Наполеона различимо просвечивает идея в смысле "паттерн бонапартизма", а еще шире — исторической личности. Без него картина получилась бы замкнутой и плоской, без должной смысловой глубины и притягательности. История как наука осваивает историческую реальность через ее индивидуально микроскопический, уровень, или пласт. В этом сила (жизненная полнота) и одновременно ограниченность (узкие рамки обобщения, вернее, типизации) науки Истории.

В социологии паттерны идентифицировать легче, чем в истории, чему помогает явный крен этой науки в сторону общего, интегрального, интересубъективного. Сам социологический инструментарий больше рассчитан на выявление структурных и иных устойчивых зависимостей в исследуемой реальности.

Говоря о социологии, мы имеем в виду все социологическое познание, социологическое знание в его единстве. Такое единство действительно имеет место. Но оно не исключает внутренней и весьма существенной дифференциации социологической науки. Традиционно в ней выделяют эмпирическую и теоретическую социологию. Между ними располагают так называемые теории среднего уровня.

Эмпирическая социология делит (и делит своеобразно) с исторической наукой микроуровень общественной жизни. История изучает эволюцию общественной жизни через призму ее микроскопического уровня, прежде всего его индивидуальных носителей или субъектов. Этим объясняется ее интерес к единичному, индивидуальному, типизация как исследовательский прием или метод, другие отличительные особенности. Эмпирическая социология занимается самим этим микроскопическим уровнем в его известной самостоятельности по отношению к общественному целому. Ее предметный акцент здесь — структурно и функционально общее, естественно, в микросоциальной реальности. В соответствии с микроскопическим уровнем познания и паттерны эмпирической социологии являются микроскопическими: статус, роль и т.д.

Теории среднего уровня: индустриальная социология, социология семьи, социология образования и т.д. — говорят сами за себя. С одной стороны, они поднимают на новый, более высокий уровень обобщения материалы и наработки эмпирической социологии и можно сказать, что теории среднего уровня — ее ближайшее родовое целое. С другой стороны, в этих теориях находят свою конкретизацию концептуальные разработки теоретической социологии. Понятно, что паттерны теорий среднего уровня получают мезоскопическую историческую окраску.

Теоретическая социология осваивает макроскопические реалии истории. "Снизу" она, как отмечалось, подпирается теориями среднего уровня, а "сверху" плавно переходит в исследование мегауровня

или мегатенденций современной исторической эпохи. Интересно, что данный переход с определенностью обозначился лишь в XX в. — эпохе глобализации почти всех фундаментальных человеческих проблем. Таким образом, социология эффективно работает на микро-, мезо-, макро- и мегаэстажах-уровнях развития общества, истории. В такой же последовательности располагаются и ее паттерны.

Что же остается на долю философии, философии истории? Вроде бы все исторические ниши заняты, свободного исследовательского пространства, похоже, не осталось. Однако не будем торопиться с выводами. Для начала уточним исследовательский или познавательный статус философии истории.

Если обратиться в этом плане к западной литературе, то мы найдем достаточно четкое разграничение двух философий истории: аналитической и субстантивной. Аналитическая философия истории — это по сути философия исторического познания и знания. Нынче она явно в авангарде философско-исторических исследований. Субстантивная философия истории, претендуя на охват "всей истории", на историческое целое, продолжает изучать в общем-то традиционные для этой дисциплины проблемы: каузальные и мотивационные структуры общественного развития, цели и смысл истории, взаимосвязь личности и общества и т.д. [46].

В принципе обе эти интерпретации философии истории правомерны, хотя, на наш взгляд, их можно объединить, сделав аналитическую философию истории просто частью, рефлексивно-методологической подсистемой философии истории.

Философия истории есть прежде всего философия, и это — не-тавтология. (А если и тавтология, то тавтология эвристичная.) Она заостряет внимание на том, что философия истории не должна застревать, как это часто происходит, на логико-методологических, социологических, эмпирических и других подобных аспектах истории. Поисковый компас философии однозначно указывает на предельную реальность. В ней ее предметная специфика и особенность методологических устремлений. На поиски предельной реальности должна быть нацелена и философия истории, причем именно как философия, как разновидность философского знания. Эта нацеленность лучше всего выражается с помощью греческой приставки "мета". Она означает не только "после" (например, метафизика — после физики), но и "вне", "за", "позади", "сверх", "за пределами". А может быть и так: мета — это такое "после", которое выводит нас "за пределы" всего известного, специализированно мыслимого, познавательно доступного и при этом выступает в качестве конечного основания его внутреннего единства. Поэтому философию истории правильнее было бы назвать метафизикой истории, метаисторией, учением о предельной реальности истории или в истории. Соответственно и паттерны философии истории можно было бы назвать метапаттернами истории.

Метапаттерны истории	Метапаттерны истории принципиально отличаются от ее микро-, мезо-, макро- и метапаттернов. По определению, они должны представлять не какой-то уровень, сегмент или аспект исторической реальности, а исто-
-----------------------------	---

рию как целое. Думается, не нужно доказывать, что со всех точек зрения это — сверхзадача. Целым истории овладеть практически невозможно. И не только потому, что история очень сложна и многообразна, а ее содержательное богатство представлено бесчисленным количеством форм, свойств, сторон, граней. Главное в другом — она непрерывно продолжается, т.е. всегда открыта будущему, разомкнута на его все расширяющиеся горизонты. Да и в прошлое она уходит, как в бесконечность.

Какого-то завершения, предполагаемого историей как целым, в самой исторической реальности не видно. Пожалуй, только в перспективе исторического преформизма такая завершенность представляется естественной, поскольку здесь история — лишь развертывание того, что заранее, однажды было положено, задано, как говорится, целиком и полностью. Приведем еще одно соображение, касающееся недоступности исторического целого. Его познание предполагает постижение более широкого целого, в котором оно в конечном счете погружено или заключено, — мира как целого. Условие явно невыполнимое. Мир как целое — предмет спекулятивной философской рефлексии, самых общих гипотетических рассуждений, нечто вроде прагипотезы человеческого познания как такового.

Итак, историческое целое для наших познавательных усилий недоступно, недостижаемо. И все же в своем стремлении к систематичности и целостности историческое познание с неизбежностью выходит на идею истории как целого*. Впрочем, идею истории и историю как целое необходимо различать: история как целое есть нечто явно недостижимое, изначально противоречивое, а идея истории есть самый общий способ помыслить, несмотря ни на что, это целое истории, есть то исходное предпонимание, без которого невозможно, вообще говоря, никакое историческое познание. В данной связи можно понять Р.Дж.Коллингвуда, когда он пишет, что "эта идея принадлежит каждому человеку в качестве элемента его сознания, и он открывает ее у себя, как только начинает осознать, что значит мыслить" [17, с.237]. Если обратиться к языку Канта, следовало бы вести речь о целокупном синтезе всех исторических явлений и о регулятивной идее Истории как его результат**.

Вернемся к вопросу о метапаттернах истории. Метапаттерны истории выступают в роли архетипически укорененных прообразов

* Целостность и целое — вещи не тождественные. Целостность — это просто органическая взаимосвязь данного или наличного. Целое же есть завершенная полнота того, в чем это данное оказывается лишь частью.

** Для расширения концептуального пространства рассматриваемой проблемы в качестве информации для сопоставительного размышления сошлемся на "четыре главные идеи" А.Н.Уайтхеда: "Во-первых, что движение исторической и философской критики метафизических вопросов, которое господствовало на протяжении последних двух столетий, сделало свое дело и должно быть дополнено усилием конструктивной мысли. Во-вторых, что истинный метод философского творчества состоит в том, чтобы выработать наилучшую (в пределах наших возможностей) схему общих идей и беспристрастно применять их к истолкованию опыта. В-третьих, что все конструктивное мышление на любые специальные темы научного интереса находится во власти такого рода схемы, хотя и не сознает этого, подчиняясь схеме интуитивно. Важность философской работы и состоит в том, чтобы сделать эти схемы явными и, следовательно, доступными критике" (A Key to Whitehead's "Process and Reality"/Ed. by D.W.Sherburne. N.Y.: Macmillan, 1966, 204 p.).

идеи истории. Вернее даже так: метапаттерн — это базовая интуиция историка и вообще образованного человека, интуиция истории как целого. Как в предельное, последнее основание, в нее упираются все "врожденные идеи" и фундаментальные априори исторического познания.

Важно заметить, что базово-интуитивная определенность метапаттернов истории не распространяется на исходный образный материал. Она именно и только метапаттерновая. Скажем, цикл убедительно вычерчивает даже суточное чередование дня и ночи — это достаточно распространенный образ динамики, с которой мы сталкиваемся. Однако индуктивного (или любого иного рационального) перехода от этого повседневного наблюдения, эмпирического образа к циклической интеграции общественной реальности в единое целое истории нет и, видимо, быть не может. В этом случае выручает действительно лишь творческое воображение, интуитивное прозрение. Таким образом, базовой интуитивностью в метапаттерне истории удостоверяется не исходный образ (он может быть самым обыденным), а его функция, функция предельной интеграции социальной реальности, общественного развития.

Выявление и показ метапаттернов истории — задача настоящего исследования. И это не противоречит названию работы "Концептуальные модели истории". Концептуальные модели в нашем случае являются рациональной экспликацией, первичной теоретической разверткой метапаттернов истории. С другой стороны, концептуальные модели углубляют идею истории, сближая ее с метапаттернами истории, реально опосредуя их взаимосвязь.

Метафизический, базово-интуитивный статус метапаттернов истории направляет наше внимание не столько на саму историю, сколько на тех, кто ее изучает — историков, людей, стремящихся понять развитие общества, опираясь на его прошлый опыт, опыт прошлого. Метапаттерны "гнездятся" в историческом сознании исследователей.

Сказанное не следует понимать в том смысле, что история как реальность здесь ни при чем, что все дело в реальности познавательной, в чисто методологическом оснащении исторического знания. Нет, конечно. Историческая реальность является естественным основанием процесса формирования метапаттернов исторического познания. Скажем так: она индуцирует их своей эволюционной диспозиционностью, своей открытостью различным познавательным перспективам и трактовкам, своей удивительной податливостью, пластичностью и многомерностью.

В работе будет мало критики, так как метапаттерн — не тот предмет, который можно и нужно критиковать. Метапаттерны представляют предельно глубокий, экстралогический уровень исторической реальности. Логические аргументы и доказательства в данном плане бессильны. В чем-то здесь, пожалуй, прав Фихте [35, С.126]: "Философ, который занимается историей в качестве философа, руководится при этом априорною нитью мирового плана, ясного для него без всякой истории; и историей он пользуется отнюдь не для того, чтобы что-нибудь доказать посредством последней (ибо его положения доказаны уже до всякой истории и независимо от нее), а только для того, чтобы пояснить и показать в живой жизни то, что ясно и без истории".

Метапаттерны именно как метапаттерны все равны, одинаково правомерны и состоятельны. У каждого свои сторонники или поклонники. И никакими просчетами, ошибками и т.п. в их фактурном, эмпирическом представлении эту связь разрушить невозможно. По-другому, не через призмы-паттерны смотреть на социальную реальность, историческую действительность просто нельзя. В понимании метапаттерна важна не истинность, а аутентичность, т.е: что сам автор думает обо всем этом, каким образом и чем именно он убеждает нас в своей правоте, создает соответствующее настроение. Метапаттерны, обобщая сказанное, даже не выбирают — их предпочитают. А если все же критикуют, то только паттерн паттерном, предлагая вместо критикуемого какой-то другой, более, как кажется, интересный и перспективный.

Обращаться к критической рефлексии мы будем только там, где рассматриваемый метапаттерн явно покушается на "злобу дня", становится "слишком" актуальным. По определению, метапаттерны должны быть выше этого, чем-то из бесконечности и вечности нашего бытия.

Настоящая работа не претендует, разумеется, на охват всех метапаттернов истории. Цель автора более скромная и простая — показать нетривиальность уже наработанного в данной области материала и пригласить к поиску новых, действительно прорывных метапаттернов истории.

